

НЕТТА
ЮДКЕВИЧ

**СЕМЕЙНЫЙ
ПОРТРЕТ
СПУСТЯ
100 ЛЕТ**

КНИГА
ספר

Нетта Юдкевич

Семейный портрет спустя 100 лет

«Книга-Сэфер»

2018

Юдкевич Н.

Семейный портрет спустя 100 лет / Н. Юдкевич — «Книга-Сэфер», 2018

ISBN 978-965-7288-15-3

Роман, как и большинство литературных произведений — о любви. Истории знакомства и брака моих дедушек и бабушек, моих тётушек и родителей были известны своей исключительной страстью, верностью, преданностью моих родственников. Мы с сестрой слышали об этом с детства. В книге дети и внуки наследуют эту черту — способность полюбить и пронести чувства через всю жизнь, рано встретить своего партнёра, свою вторую половину. И на фоне бурного, иногда трагического, вместе с тем социально и технически необыкновенно прогрессивного 20-ого века, основным фактором в жизни и быту героев остаётся — любовь Роман посвящается последнему поколению: детям и внукам моей семьи, чтобы сохранить память и передать им истории о прауродителях, потомками которых они являются.

ISBN 978-965-7288-15-3

© Юдкевич Н., 2018
© Книга-Сэфер, 2018

Содержание

От автора	5
Глава 1	7
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Нетта Юдкевич

Семейный портрет спустя 100 лет

От автора

Роман, как и большинство литературных произведений – о любви. Истории знакомства и брака моих дедушек и бабушек, моих тётушек и родителей были известны своей исключительной страстью, верностью, преданностью моих родственников. Мы с сестрой слышали об этом с детства. В книге дети и внуки наследуют эту черту – способность полюбить и пронести чувства через всю жизнь, рано встретить своего партнёра, свою вторую половину.

И на фоне бурного, иногда трагического, вместе с тем социально и технически необыкновенно прогрессивного 20-ого века, основным фактором в жизни и быту героев остаётся – любовь.

Роман посвящается последнему поколению: детям и внукам моей семьи, чтобы сохранить память и передать им истории о прауродителях, потомками которых они являются.

Пояснения по оформлению текста:

Основной текст

Размышления героини

Исторические экскурсы и другая информация

Лирические отступления, – курсив

Нетта Юдкевич. Масло на холсте. 2004–2006 годы. «Когда Мир был Черно-Белым»

* * *

Всё возвращается на круги своя...
Экклезиаст

Глава 1

Родители папы

Мой дедушка со стороны отца родился в 1895 году в Сквире, довольно крупном еврейском местечке Киевской губернии.

Назвали мальчика Михаилом. Мать его была повивальной бабкой. Она ходила из города в город, из деревни в деревню, от женщины к женщине и принимала роды. Когда не принимала роды – рожала сама.

Детей в семье было тринадцать.

Её муж в это время учил Тору, Гемару, Мишну, Талмуд, набираясь мудрости, от которой не было никакого проку ни в материальном благосостоянии семьи, ни в быту, ни в заботах о детях и ни в каких-либо других сферах, из которых состоит человеческая жизнь. Иногда сквиряне приходили за советом, обращаясь к нему «ребё Эфраим», хотя ни на какой должности официально он не состоял.

Прадед всегда мог блеснуть своими знаниями, цитируя наизусть священные книги, поспорить с такими же мудрецами, которых интересовали философские аспекты смысла жизни, добра и зла и вечного их противостояния; грешности человека; жизни, данной нам исправлять грехи, сотворённые в прошлых наших существованиях; всех тех невзгод, преследующих еврейский народ в течение трёх тысяч лет. Проблемы, которые можно было обсудить и о которых поспорить, не кончались. Поэтому мой прадедушка был всегда занят.

* * *

Согласно иудаизму, женщина не должна постигать премудрости библейских наук, то ли потому, что эти знания были изначально заложены в ней, то ли потому, что рожать детей, растить и воспитывать их является высшей миссией с точки зрения Создателя.

Как бы не трактовали библейские мудрецы разницу в требованиях к мужчине и к женщине, одно ясно, что все религии без исключения ставят женщину в положение неравноправное. Ни в одной из религий женщина не занимала важный сан, равный тем, которые занимал противоположный пол. История не знает женщин-священников, епископов, далай-лам. А если и появлялись эдакие, то благодаря профанации, афере, прикидываясь мужчинами.

В иудаизме от женщины религиозный закон требовал соблюдения элементарных заповедей, связанных с приготовлением пищи, и личной гигиены. Ей Галахой (религиозным законодательством) предписывались ежемесячные ритуальные бани после менструации, из чего можно сделать вывод, что личная гигиена и правильное питание являлись важной частью служения Всевышнему. Хотя религия говорила об омовениях не как о чистоте тела, а как об очищении духовном.

Еврейская религия строга в отношении гигиены и к мужчинам. Мужчинам-иудеям, проснувшись, следует в обязательном порядке совершить обряд омовения рук. И только после этого, повернувшись на восток, поблагодарить Господа за все его деяния и, главное, за то, что сотворил его мужчиной.

Так что обряды и служение Господу не занимали у женщин много времени. Дети постарше смотрели за младшими, а женщины в семьях, где мужчины с утра до ночи изучали библейскую премудрость, становились единственными кормилицами. Они владели бакалейными лавками, производили молочные продукты и продавали их. Женщины содержали трактиры и пекарни; подрабатывали модистками, шляпницами, а также свахами, повивальными бабками и целительницами.

У евреев образование, знания являлись высшими ценностями, а вовсе не богатство и роскошь, как это иудеям приписывалось другими народами. Как и все люди (будь то китайцы или папуасы), евреи хотели жить в достатке, не нуждаясь, – стремления, свойственные человеку вообще.

Народ же по сути своей был прост, со скромными запросами, не гонящийся за комфортом и роскошью. От молитвенных домов и кладбищ до самой манеры погребения всё поражало скупостью, убожеством убранства священных мест, что так удивило римлян, захвативших Иудею две тысячи сто лет тому назад.

В Израиле проводили опрос общественного мнения – какую профессию народ считает наиболее престижной. Восемьдесят пять процентов высказались за доктора наук в теоретической физике. Короче, проголосовали за Эйнштейна и Нильса Бора, которых будут помнить столько, сколько суждено существовать этому народу, наряду с другими мудрецами, как Экклезиаст и Спиноза, ничем особым эту память не заслужившими.

Что же касается денежных мешков, их имена исчезают с летописей быстрее, чем их наследники умудряются растратить доставшееся им добро.

* * *

Мой прадедушка грыз гранит неопределённых наук, пока не преставился. Прабабушка Дора продолжала так же ходить по деревням и местечкам. Она славилась тем, что роженицы у неё умирали редко, работы ей всегда хватало. Как и прежде, прабабушка принимала роды в нищих, многодетных семьях, но больше не рожала сама. Возраст её отпрысков колебался от десяти месяцев до семнадцати лет. Старших дочерей пятнадцати и шестнадцати лет прабабушка выдала замуж, семнадцатилетнего сына женила и пристроила в дом тестя с тётшей, как было принято у евреев.

Девушек-сирот замуж брали неохотно. Но находились и такие – вдовцы, у которых жёны умирали при родах; бедные ремесленники; музыканты, у которых не было постоянного заработка, а так – от свадеб до похорон. Старшую дочь прабабушка научила своему ремеслу и выдала замуж за скрипача. Другую, которая занималась знахарством, отдала за кантора старше девушки лет на пятнадцать. Ни прабабушка, ни её дочери не волновались, как мужья будут обеспечивать семью. Кантор получал жалование в синагоге. Иногда, на праздники, его приглашали петь в дома богачей. Еврейские канторы пели не хуже, чем оперные певцы. Но исполняли они не арии, а молитвы. Их сыновья и внуки с развитием ассимиляции в начале двадцатого века выступали на сценах в ролях Фигаро и Мефистофеля в оперных постановках.

Дочери не играли на скрипке и не пели. Зато они умели позаботиться о хлебе насущном. Прабабушка считала скрипача и певчего лучшими партиями, чем, скажем, сапожника и плотника. Не из-за социального статуса, а из-за утончённости натуры.

Детей от шести до четырнадцати Дора отдала в люди, на службу. Десятимесячного малыша оставила при себе. Двухлетнего и четырёхлетнего – со старшими сёстрами.

Прабабушка не делала никаких различий между национальностями рожениц. Украинки, русские, польки, еврейки рожали абсолютно одинаково, страдали одинаково, орали одинаково, умирали одинаково, доказывая, что нет разницы между людьми – то, что прабабушка давно поняла. Она была воистину эмансипированной женщиной с либеральными взглядами. Только слов таких не знала.

Моего будущего дедушку Мишу прабабушка пристроила прислугой в дом священника. Батюшка произвёл на неё впечатление человека доброго и справедливого. Как и что мог делать в доме служителя христианской веры шестилетний еврейский мальчик, могло бы остаться тайной. Но дедушка сам рассказывал о своём детстве.

Поп познакомился с ребёнком и спросил:

– Считать умеешь?

– Да, – ответил мальчик.

– А до скольких?

– Считать можно до бесконечности. Всегда к последнему числу можно прибавить единицу.

– Кто тебя этому научил? – удивился батюшка.

– Никто. Я сам догадался.

Поп не стал заставлять мальчика пасти гусей, как изначально предполагалось, а отдал в церковно-приходскую школу. Записал Михаилом Филипповичем Левиным.

Фамилии Леви и Коэн, а также производные от них распространены среди евреев, как Иванов и Сидоров среди русских. И «коэн», и «леви» в переводе значат «жрец»: «коэн» – статусом повыше, «леви» – пониже. Звания превратились в фамилии, точно так же, как у многих народов имена личные отцов.

Раввин – это не чин священника. Раввин – это учитель, наставник, как гуру у индусов.

На Украине, в Белоруссии, России фамилии Коэн и Леви претерпели разные видоизменения. Коэны превратились в Коганов, Кагановичей, Каганских. Из Леви получились Левины, Левинские, Левитаны, Левицкие и Левинштейны, как фамилия моих предков.

Дедушка был способным учеником. Предметы как точные, так и гуманитарные давались ему с лёгкостью. У него обнаружили незаурядные способности к русскому языку и литературе. Книги, которые находились в школьной библиотеке, он всасывал в себя, как губка воду, и приходилось поставлять ему дополнительные из частных собраний почтенных жителей города.

Подросток увлекался поэзией и мог на память читать целые главы из «Евгения Онегина» и «Золотого петушка». «Золотого петушка» дедушка почему-то особенно любил.

Его способности к языкам поражали учителей. Прочитав страницу незнакомого текста, на немецком, на латыни, или на древнееврейском, он запоминал все новые слова.

Вначале мать моего дедушки навещалась часто, вместе с малышом, который следовал за ней, как утёнок за уткой. Она привозила гостинцы, новости, семейные сплетни: кто у кого родился, кто на ком женился. На праздники она забирала его домой вместе с другими детьми.

Обычные визиты кончались тем, что, зацеловав своё чадо и задушив его объятьями, эта крупная и энергичная женщина пускалась дальше.

Вдруг визиты резко прекратились. В один момент – без предупреждений. Мой дедушка сначала думал, что она заболела и не может добраться; отлёживается дома, приходит себя. Время шло, она не появлялась. Пришлось признать страшную истину.

Смерть тогда была делом обычным. Дети сталкивались с ней малолетства. Кончина сорокалетней женщины не была событием из ряда вон выходящим. Скорее наоборот.

* * *

Со смертью приходилось делать «пакты» в виде Ветхого Завета, Библии или Корана. В других местах эти «пакты», составленные Буддой, Конфуцием, Тао и другими, недвусмысленно служили проводниками в вечность.

В мире существует двенадцать главных религий (главных по количеству паствы), включающие сикхизм, бахаизм, индуизм с миллиардами верующих. Само погребение, как у древних египтян, носило символический смысл – перехода в вечную жизнь. Принять собственную тленность и никчемность бытия сложно для разумного существа. Религия освящает нашу жизнь смыслом.

* * *

Матери он больше не ждал. Он не знал, куда исчез малыш. Надеялся, что кто-то из сестёр взял его к себе в дом. Так оно и было. Малыша забрала старшая сестра, только он быстро исчах и умер.

Мой дед прожил у батюшки до тринадцати лет. Ему прочили большое будущее. Особенно учитель химии, настаивающий на том, чтобы парню дали стипендию для учёбы в университете.

Батюшка тайно надеялся, что Михаил станет проповедником. Поп оказался человеком честным и порядочным. Он знал, что тринадцатилетие у евреев – важная дата. С этого дня мальчик становится совершеннолетним, что обязывает его исполнять все заповеди религии и, самое главное, нести ответственность перед Всевышним за свои поступки.

В день рождения мальчик ведёт своё первое в жизни богослужение в синагоге со всеми ритуалами, сопровождающими этот обряд. Он должен публично прочитать главы из Торы и других частей Ветхого Завета.

Молитва – это коллективное дело. Существуют определённые каноны, по которым ведутся те или иные обряды с песнопениями и чтением религиозных сочинений. Это и есть богослужение. Конечно, каждый может помолиться наедине и наедине соблюдать заповеди, религией предписанные. Но в иудаизме особенно важна коллективная молитва. Самая простая, «миньян», значит «десять молящихся одновременно». Такая молитва обладает большей силой, чем молитва человека, молящегося в одиночку.

Батюшка обратился в еврейскую общину. Если бы община не прониклась к судьбе юноши и от него отказалась, то он бы крестил его и растил, как своего сына.

* * *

Иногда мы с дедушкой проходили мимо усадьбы священника, которого давно не было в живых. В усадьбе размещалось лесничество, ограждённое высоким забором, за которым утопал в зелени старинный каменный дом. Усадьба с мая по октябрь издавала особый пьянящий аромат мяты, а зимой – хвои.

Дед всегда повторял, что здесь жил батюшка, который его воспитал. Он рассказывал о нём, но я не слушала. Я смотрела, чуть прищурив глаза, в глубину сада через щели в штакетнике и видела, как маленький, похожий на гнома человечек, одетый во всё чёрное, с чёрной шапочкой на голове, перебежал от куста к кусту, прятался за стволами деревьев и вдруг появлялся совсем близко, протягивая мне веточку жас-

мина или еловую лапу с шишкой в зависимости от времени года. Но только я хотела окликнуть его, он исчезал, растворяясь в кустах сирени или в зелени ельника.

* * *

Батюшке не повезло. Община не отказалась. Община пришла в ужас, что еврейский ребёнок живёт у попа, ходит в церковно-приходскую школу, учит там Библию да и молится на чужом языке чужому богу. Это было нестерпимо.

Один из самых богатых членов общины, Бен-Цион Бродский, взял его к себе в дом на правах подмастерья. Бродский был фабрикантом. Он владел трёхэтажной фабрикой по производству мужской одежды. На фабрике шили брюки из грубого хлопка и фуфайки.

Пареньку справили бар-мицву и стали учить ремеслу – крою и шитью. Фамилию Левин вернули в прежнее состояние, и он снова стал Левинштейном.

Выражаясь современным языком, Михаила учили дизайну и производству мужской одежды. Из него создавали кутюрье. Вскоре, несмотря на юный возраст, он мог выполнить самостоятельно костюм на заказ, который сидел так на заказчике, словно его шили в Кракове или даже в Париже.

У Бродского были две дочери и сын. Дедушка влюбился в старшую – Клару. Влюбился он сразу, с первого взгляда, когда в тринадцать лет попал в дом Бродских. Кларе было одиннадцать.

Он не мог ни о чём думать, только о ней. Он искал любого предлога оказаться поблизости. Она в нем вызвала какое-то странное чувство – желание защитить её от всех жизненных невзгод, как бы исполнить свыше предписанную ему миссию – заботиться об этой девочке.

* * *

Через год-полтора дедушке начали выплачивать мизерное жалование. Паренёк откладывал копейку к копейке. Наконец он пошёл покупать кольцо.

Обручальное кольцо – атрибут еврейского бракосочетания, как и фата. Жених должен одеть кольцо на указательный палец правой руки невесты и повторить за раввином: «Этим кольцом ты благословляешься мне в жёны по закону Моисея и Авраама. Аминь!» Свидетели потом три раза повторяют: «Аминь! Аминь! Аминь!»

Лицо невесты во время самого обряда должно быть закрыто от взора чужих мужчин, в частности раввина, которому предписанием религии запрещается смотреть на чужих женщин. Но до обряда жених должен заглянуть под фату – а вдруг ему другую девушку подсунули. Кольцо, без камней и филигранной работы, как можно проще, потом носят на безымянном пальце левой руки.

Сегодня невесты во всех странах цепляют фату, не догадываясь о её первоначальном предназначении. Иудаизм строго следил за нравственностью, исключая ситуации, где мужчина и женщина могут столкнуться, не приведи господи, понравиться друг другу и нарушить одну из десяти заповедей. Поэтому дети должны были учиться в отдельных школах. В современном Израиле в кварталах, где живут ортодоксальные евреи, мужчины и женщины ходят по разным сторонам улицы. Древние рассудили правильно – чтобы ликвидировать измены и внебрачные интриги, следует предотвратить контакты между двумя полами.

Свадебный обряд с небольшими изменениями позже вошёл в христианство.

* * *

Дедушка купил колечко на все деньги, которые успел отложить. На тоненьком ободке сидел стебелёк с листиком из трёх крошечных изумрудов. На кончике стебелька крепились два рубина, обозначающие то ли ягоды, то ли цветы.

На следующий день дедушка пошёл к папе Бродскому просить руки его дочери.

По еврейскому обычаю, который никто давно не соблюдал, парню можно было жениться с тринадцати лет, а девушке выходить замуж с двенадцати. Но даже если бы не было никакого обычая, дедушка всё равно пошёл бы просить руки своей возлюбленной.

Бен-Цион Бродский почесал макушку и ответил просто:

– Встанешь на ноги, будет у тебя своё дело, чтобы ты моей дочери мог обеспечить жизнь такую, как я, то возражений нет.

Дедушка вручил кольцо бабушке. Ему уже исполнилось пятнадцать, бабушке – двенадцать, она ещё не вышла с того возраста, когда девочки терпеть не могут мальчишек. Но кольцо ей понравилось.

– Давай кольцо.

Она нацепила его на тоненький, ещё детский пальчик и побежала хвастаться подружкам и кольцом, и тем фактом, что она помолвлена. Оно болталось на безымянном, пришлось нацепить его на указательный палец.

С тех пор бабушка не снимала кольцо, пока оно ей не стало мало и не начало врезаться в палец. Она сняла его и положила в шкатулку, сохраняя для будущих детей.

Через несколько лет, во время настоящей церемонии бракосочетания, бабушка получила другое кольцо – массивный золотой ободок безо всяких дополнительных украшений.

* * *

Гораздо позже дедушка от имени папы преподнес первое кольцо моей маме. Папе казалось мещанством и пережитком прошлого цеплять на себя украшения. Но мама носила его. Потом и маме кольцо стало мало, мама передала его мне.

Лет в шестнадцать я надела кольцо на палец и больше не снимала, пока лет двадцать спустя оно не врезалось мне в палец так, что пришлось распилить его на три части. При этом выпал один из рубинов и навсегда закатился в какую-то щель между паркетными дощечками. Всё равно я ещё долго хранила обломки и честно собиралась его починить. Когда я обратилась к ювелиру, он надо мной посмеялся. Починить кольцо стоило дороже, чем купить новое. Это был конец единственной фамильной драгоценности.

* * *

В семнадцать лет дедушка Миша открыл собственное ателье, где он шил на заказ элите города костюмы, фраки, пальто; женщинам – шубы. Работы с мехом выполнял мастер-скорняк, которого дедушка нанял на работу. Чуть позже он создал цех по массовому пошиву шуб для детей из меха, который назывался цигейкой.

Дедушка отыскал большинство своих братьев и сестёр, трудоустроил их у себя в бизнесе. Один из них влюбился во вторую дочь Бродского – Фаину. Там условий не было. Тем не менее они поженились после Клары. Потому что по неписанным правилам младшая сестра выходила замуж после старшей.

Бродскому льстил его будущий зять – Михаил. Сам Бродский с трудом читал и писал на идише. Образованием он не отличался. Михаил знал науки, о которых единицы еврейских юношей имели представление. Он читал книги Гоголя, Тургенева Достоевского, цитировал на память Пушкина, Лермонтова.

Но удивительнее всего было то, что Михаил читал Пятикнижие на «языке священном», так назывался иврит в древние времена. В начале двадцатого века единицы знали язык, на котором был написан Ветхий Завет. Читали многие. В хедере мальчиков учили читать Тору и заучивать наизусть молитвы, которые относились к определённому обряду, празднику.

Читать-то они читали, но значение слов, смысл прочитанного не понимали. Скорее всего, и сам учитель не очень разбирался в сложных текстах на языке, который тысячелетиями хранился в кованных сундуках, зарытых в песках Синайской пустыни, как драгоценный клад, карты к которому давно затерялись.

* * *

Точно никто не знает, когда язык библейских праотцев получил название «иврит». Даже в Иудее до нашей эры этот язык называли «лашон кадош» – «язык священный». На иврите прилагательное следует за местоимением: утро раннее, осень золотая, язык священный. За пятьсот лет до нашей эры мало кто говорил на нём и понимал. Разговорным языком иудеев, как и большинства народов, населявших Ближний Восток, стал арамейский. Арамом называлась страна, находившаяся на месте современной Сирии.

После завоеваний Александра Македонского многие народы смешались и расселились по всем захваченным им землям. Многие стали говорить на древнегреческом. Евреи, жившие в Александрии, также переняли язык своих завоевателей.

В начале двадцатого столетия иврит знали единицы, и язык давно утратил верное произношение некоторых букв. Не говорили на иврите и евреи, проживающие в Иране, Ираке, Афганистане, Грузии. Единственные, кто сохранил иврит в его первоизданном виде, были иудеи Йемена и потомки мудрецов средневековой Испании.

* * *

Но и это было не главное. Бродский разглядел в будущем зяте способность делать деньги. На то, чтобы встать на ноги, у деда ушло три года. Они с Кларой поженились, когда жениху было двадцать, а невесте – семнадцать, в 1914 году.

Платье к свадьбе привезли из Вильно. Оно было из белого гипюра, подбитое шёлком цвета слоновой кости.

Колье с бриллиантами и серёжки, которые она получила в подарок от своего отца, придавали особую роскошь подвенечному наряду.

Невеста, черноволосая, черноглазая, смуглая девушка, не только не была похожа на русских или украинских девчат, но и на еврейских. Стройная, тоненькая настолько, что мать пыталась кормить её насильно (ведь стыдно перед людьми) сдобными булочками и поить сливками, чтобы девушка поправилась. Бабушку от сливок тошнило, и она теряла в весе ещё больше.

Вес она так и не набрала до конца дней своих. Даже в старости сзади она производила впечатление молодой девушки.

В юности волосы у бабушки вились крупными локонами. Она собирала их сверху на макушке, и они распускались чёрными, как смоль, спиральями до талии. Клара походила на принцессу из романов Фейхтвангера. Это о ней слагали стихи испанские поэты Средневековья.

*Как мелодичен голос твой и как прекрасен лик —
В тебе туманный свет луны и солнца ясный блик.
Как ворона крыло, черны шелка твоих кудрей,
И звёзд сияньем полон взор пленительных очей.*

(Иегуда ха-Леви, родился в 1075 году.)

В середине двадцатых бабушка отрезала волосы и стала укладывать их модными в те годы волнами. На старости лет иссиня-чёрные, с небольшой проседью волосы бабушка заплетала в косу и закручивала в бублик на затылке. Всё равно, что бы она не делала, в изысканном платье из креп-сатина или в робе, возившаяся на грядках в огороде, она оставалась пожилой испанской донной, затерявшейся в чужой стране.

* * *

Несколько братьев деда Левинштейна уехали в Аргентину. Дочь одного из них, Соня, осталась на попечении дедушки. Дело в том, что она была помолвлена, а родители её жениха наотрез отказывались покидать родные края. Ими руководили отнюдь не патриотические чувства к разрушенной Первой мировой войной России. Их удерживали могилы предков, рядом с которыми и они полегли, зверски убитые в погромах.

Как только родители девушки эмигрировали, жених сбежал к большой радости невесты. Её взяли к себе в дом мои дедушка с бабушкой.

С Klarой во младенчестве произошла трагедия, о которой она узнала гораздо позже. Её биологическая мать скончалась при родах.

Что же касается Бени Бродского, то «долго тот был неутешен, но как быть...». Бродский женился во второй раз. Новая жена, Шейна, заменила Klаре мать. У Шейны родились свои дети, но к Klаре она относилась с особой нежностью и жалостью. Капризная, избалованная, своевольная девочка отвечала ей тем же – привязанностью и любовью, которую не испытывала ни к кому другому. Все знали, что Клара – любимица Шейны, но то, что Клара не родная дочь Шейны, мало кто знал.

Когда бабушке исполнилось тринадцать, в городе появилась младшая сестра биологической матери. Она пришла в дом Бродских и позвала девочку на кладбище, на могилу женщины, давшей ей жизнь.

У Klары случился нервный приступ, который длился недели две. Она задыхалась, затруднялась разговаривать, ничего не ела. Шейна поила её из ложечки насильно, днём и ночью сидела возле постели и расчёсывала длинные чёрные пряди волос. Через две недели Клара поправилась.

Во все последующие годы Клара исправно ходила на кладбище, заказывала молитвы за упокой души матери, которая отдала жизнь во время родов маленькой девочки, ставшей дочерью другой. Бабушка не пропускала ни одного года, кроме четырёх лет, проведённых в эвакуации. Но не расставалась она и с мамой Шейной.

Прошло время. Прадедушка Бродский ушёл на тот свет. Шейна осталась вдовой. Дочери не хотели, чтобы их мать жила на старости одна. Так не было принято, чтобы при живых детях мать жила в одиночестве. Обе дочери звали её к себе. Но она согласилась жить только с Klarой.

Беня Бродский завещал фабрику моему дедушке. А также громадный дом с участком при фабрике со временем должен был перейти семье Михаила Левинштейна. Его младший сын,

названный на иврите Эли, оказался белой вороной в семье. Он связался с какой-то компанией, которая хотела свергнуть царя и строить «светлое будущее». От его речей Бродскому-старшему становилось страшно. Больше всего он боялся «светлого будущего». Он о таком никогда не слышал. Ни в каких пророчествах оно не фигурировало – это мистическое «светлое будущее». Бродский надеялся, что с возрастом его сын возьмётся за ум.

Эли вернулся с гражданской войны с новым именем и к тому же членом партии. Теперь его звали Алексеем Борисовичем Бродским. Он получил ответственную должность в местном комитете партии, государственную квартиру и старался не поддерживать отношения со своими родственниками – нэпманами. Он заседал вместе со своими друзьями в бывшей синагоге, вершил судьбы мира в масштабах своего района.

Со временем он женился. Произвёл на свет двоих сыновей. Ничего страшного, необычного с ним не случилось. Он избежал репрессий, но не продвигался по служебной лестнице. Присылали других, из Киева, более образованных, обладателей университетских дипломов, утверждающих новую политику Сталина с большим энтузиазмом и рвением. Те, другие, образованные и осведомлённые, время от времени навсегда исчезали. Алексей оставался. Выпивал всё больше и больше со своими сослуживцами и по пьянке изменял супруге, что в те годы являлось некоторым шагом вперёд, если не к победе коммунизма, то к единству наций. У евреев выпивать и изменять принято не было. Алексей не общался со своими сёстрами. Только после смерти Сталина блудный сын начал делать какие-то шаги примирения в сторону своей родни.

* * *

Когда я родилась, Шейны давно не было в живых. Бабушка потребовала, чтобы меня назвали в честь её матери. Так меня нарекли Женей – Евгенией.

* * *

После Октябрьской революции на Украине воцарился хаос. Враждующие банды независимо от идеологии, которой они придерживались и о которой у самих у них было смутное понятие, дрались за власть между собой, сопровождая свои разборки жесточайшими погромами. С 1918 года по 1921-й погибло сто тысяч евреев.

Однажды банда Петлюры явилась в ателье моего дедушки. Они велели всем отдать золото, серебро, которое при них находилось, а также все деньги. Они пригрозили, что, если найдут у кого-то что-то припрятанное, расстреляют всех.

Работники ателье послушно вывернули карманы и выложили всё, что в них было, на стол. Отдали кольца, часы, запонки, золотые монеты. Дедушка тоже отдал золотые карманные часы, запонки и перстень. Золотые монеты, которые лежали у него в кармане пиджака, он не вынул. Все его родственники знали про эти деньги и про себя читали молитву за упокой собственной души. Но петлюровцы забрали то, что им положили на стол, и ушли. Братья тоже развернулись и ушли. Некоторые не разговаривали с дедом до конца дней своих за то, что он рискнул их жизнью из-за каких-то денег.

Первая мировая, революция, гражданская война, погромы не касались моей бабушки. Клара всего этого не замечала. История проскальзывала мимо, не задевая её.

Она дружила с такими же девушками из богатых домов, находилась с ними в постоянном соревновании: у кого красивее платье, шубка, муфточка, что требовало большого внимания к моде в то время, когда доставать заграничные журналы становилось сложнее.

Если кто-то превосходил её в фасоне платья или в боа из страусиных перьев, то превращался во врага на всю жизнь. Соперниц у неё было немного...

Одна беда преследовала чету Левинштейнов – бабушка не беременела. Находились «добрые люди», которые советовали дедушке развестись и найти себе другую жену. Выполнить завет Бога «плодись и размножайся» – обязанность каждого еврея. Мой дед им ничего не отвечал и не вступал в споры. Эти нелепые разговоры казались ему дикостью. Он не мог представить себе жизни без бабушки.

Левинштейны взяли на воспитание дочь младшего брата дедушки Миши – Полину. Мать её умерла, когда девочке ещё не было года. Со временем брат, Мотл, женился вторично. Девочка никому особо не нужна была. Дедушка с бабушкой её забрали. Полина была застенчивой и тихой, как мышка. Она могла возиться целый день где-то в углу с куклой, не произнося ни слова. Бабушка одевала её, причёсывала, цепляла бантики. Она играла с ней, почти как Полина со своей куклой, но они не стали по-настоящему родными. Это произошло гораздо позже, когда Полина научилась отвечать бабушке, упрекать за ранний брак, за жениха, которого ей сосватали, за искалеченную жизнь. Бабушка огрызалась. Вулканы бушевали. Но каким-то образом эти ссоры сблизили их. Они превратились в настоящих мать и дочь.

Дедушка был воспитан чужими людьми, бабушке заменила мать чужая женщина, оба помнили об этом и старались компенсировать, отплатить добром за добро, заботой о чужом ребёнке.

Полина, рыжая, с изумрудными глазами и крупными светлыми веснушками, страдала из-за своей внешности. Зимой веснушки блёкли и становились невидимыми. Весной, с возвратом солнца, они проявлялись заново. Моя бабушка страдала ещё больше. Она старалась одевать Полину в гольфы и соломенные шляпки, украшенные фруктами и цветами. Редко кто из соседских девчонок одевался так, как Полина. Со временем гадкий утёнок превратится в лебедя. Но до этого было ещё далеко.

На середину двадцатых попал расцвет нэпа. Появились электричество, автомобили, рестораны, разные общества типа шахматистов, филателистов и любителей собак. Бабушка увлеклась собаками, что не очень было принято в еврейских домах. Но дедушке нравилось всё, что делала его жена. Собак она водила на выставки и в гости к другим собачницам. Собак случали, делились потомством, продавали и ссорились. Не собаки. Ссорились их хозяйки. В эту собачью жизнь она втянула племянницу Сою, которая всё ещё жила у них. Тётя Соня осталась ярой собачницей до конца своих дней.

Родственники Сони пришли ко взаимному согласию, что собак она любит больше, чем людей.

Бабушкины подруги остепенелись, раздалась из-за родов; подурнели, погрузившись в домашние заботы, воспитание детей. Но не Клара. Она оставалась андалузской принцессой – избалованной, капризной, прихотливой. Люди, знавшие близко мою бабушку, удивлялись, чем так гордился Михаил, превознося все выходки жены. А жена требовала к себе и к своему мужу уважения, преклонения и почёта.

Если их приглашали на свадьбу, то первый танец принадлежал не жениху и невесте, а Кларе и её мужу. Если честно, они были почётными гостями на любой свадьбе. Дедушка был богат и мог позволить себе самый щедрый подарок. Со временем это вошло в норму еврейского населения Сквир. Чета Левинштейнов пользовалась особым уважением. У бабушки было полно причин задирать голову высоко вверх.

В начале двадцатого века Сквир представляла собой большое еврейское местечко с двадцатью тысячами еврейских граждан. (После Второй мировой осталось две тысячи евреев.) В городе действовали две большие синагоги, ритуальные бани. После революции все религиозные храмы расформировали, синагоги и костёл в том числе. Оставили маленькую церквушку, расположенную у входа на базар.

Сквир считалась городом более интеллектуальным, чем другие местечки в губернии. В Сквире и до революции было отделение Бунда и ещё каких-то партий.

В среде евреев практиковали врачи. В городе была сельскохозяйственная академия. Некий профессор Иосиф Мигдаль, ученик Мичурина, разводил новые сорта фруктов и цветов, в частности роз. Горожане бегали к нему на опытное поле, выпрашивали саженцы, некоторые жители просто воровали их, и Сквиря превратилась в один сплошной розарий. Это увлечение дошло до моих дней.

В городе функционировала небольшая художественная артель. Евреи заказывали портреты своих детей. Художники рисовали их стоящими на садовых дорожках среди цветущих ирисов и гладиолусов. Портрет шестилетней тётки Полины с розой в одной руке и с соломенной шляпкой в другой сохранился до моих дней. Папу не смогли написать, он ни секунды не стоял на месте.

Потом художественная артель перешла исключительно на портреты основоположников марксизма-ленинизма и членов политбюро по фотографиям. Эти портреты на древке носили на ноябрьской и первомайской демонстрациях. У художников работы было много. Частные заказы запрещались.

Еврейские отпрыски должны были учиться игре на скрипке, на рояле. В городе открыли музыкальную школу и консерваторию. Кинотеатры выросли как грибы по всем городам России, в том числе и в Сквире.

Судил в Сквире судья со странной фамилией – Гусак, еврей по национальности. Безграмотный народ, когда дело доходило до каких-то важных писем, бегал к Гусаку домой с просьбой написать прошение или жалобу. После чего они приходили к дедушке Мише отредактировать и подправить написанное.

Ходили слухи, что это по доносам Гусака репрессировали простых граждан. Думаю, что и других доносчиков хватало. Гусак понимал, что полуграмотного брата моей бабушки Лизы Меера ни одна разведка мира не взяла бы в агенты. Невежественные дружки Меера, которые не совсем понимали значение слова «шпион», так как плохо говорили по-русски, могли предполагать, что такое возможно.

Сегодня потомки Гусака живут в Хайфе. Я с ними знакома.

* * *

Личность Сталина меня не удивляла и не занимала. История полна именами самодуров, извергов, тиранов, деспотов, детоубийц типа Калигулы, Цезаря, Нерона, Ивана Грозного, Чингисхана, Гитлера и других.

Мне как-то попала в руки книга о первом китайском императоре – Цинь Шихуанди. У меня кровь в жилах стыла от его методов расправы с неугодными. Он казнил их сам, сжигал библиотеки вместе с учёными мужьями.

Его методы расправы с собственным народом были во многом идентичными со сталинским. Но советский тиран и узурпатор по сравнению с первым императором был просто лапочкой-душечкой.

Власть и психические расстройства: социопатия, мегаломания, как атрибуты власти, – это особая, неизученная тема, которой следовало бы заниматься социологам и психиатрам.

Гораздо больше меня изумляли люди на местах, которые доносили, закладывали, пытали, издевались, отправляли на Колыму и на Соловки, на смерть своих сограждан, коллег. Что им было до маминого дяди Меера, который с трудом писал по-русски свою фамилию? Что это давало таким же полуграмотным, совсем не агрессивным людишкам? Чувство собственной значимости?

* * *

Когда переделывали большую синагогу под райком партии, дедушка спрятал у себя старинные свитки, которые хранились в особом шкафу, и Ветхий Завет, изданный в семнадцатом столетии.

Кто-то из своих же братьев-евреев донёс об этом властям. У дедушки в доме произвели обыск, священную книгу и свитки изъяли; дедушку арестовали. Я не знаю, во сколько обошлось откупиться (деньги собирали всем городом), но знаю, что суммы были баснословными для того времени. Левинштейна выпустили, а ценные фолианты были ему возвращены. Дедушка хранил их, в глубине души надеясь, что однажды падёт диктатура пролетариата, синагоги восстанут из пепла, как, впрочем, и другие святые места.

Когда дедушка умер, мой папа хранил эти реликвии до отъезда в Израиль. Он был бы рад кому-то их передать, да не нашлось никого. В семье остался один человек – Алексей Бродский, коммунист и член партии, которому можно было поручить ценные вещи. Он был человеком ответственным и обязательным.

Будучи уже стариком, вместе с младшим сыном и внуками Алексей Бродский эмигрировал в Израиль. В СССР у него отобрали партийный билет, заклеили изменником родины. Сначала он об этом сокрушался, всем нам жаловался, плакал, оскорблённый до глубины души, но не находил ни сочувствия, ни поддержки.

Со временем он зачастил в синагогу. Там он познакомился с себе подобными «изменниками родины». После утренней молитвы такие же бывшие коммунисты, к которым присоединились ветераны Второй мировой, шли в парк, захватив пару бутылок водки. Выпив по сто граммов, они ещё долго обсуждали политику, теперь уже израильскую. Потом расходились и сходились снова после полуденной сиесты – забить козла.

Папа не ошибся. Алексей Бродский перевёз старинные книги и свитки в Израиль, заплатив небольшую взятку советским таможенникам, и передал их в синагогу в Явне, в городе, где в конце первого столетия до нашей эры заседал главный Синедрион, имеющий прямое отношение к текстам этих священных писаний.

Алексея с сыном и внуками определили в Явне, дали им четырёхкомнатную квартиру. Всё вернулось на круги своя. Кстати, бывший коммунист Алексей Бродский читал Ветхий Завет, что-то понимал и переводил его своим новым друзьям. Он быстро заговорил на иврите, правда, с ошибками, произнося «с» вместо «т», как ошибочно произносили эти звуки евреи Восточной Европы. А внуки смеялись над ним.

* * *

Нэп подошёл к концу. Началось раскулачивание. Я не знаю, какие предчувствия побудили дедушку, но в 1928 году во время съезда комсомола он вышел на сцену и пожертвовал фабрику молодым коммунистам. На этом же съезде моя заносчивая бабушка Клара сняла с себя все драгоценности в пользу тех же коммунистов.

История про бриллианты неоднократно с большой гордостью пересказывалась бабушкой, как она медленно шла между рядами в платье из бледно-бирюзового крепдешина под звуки оркестра и бурных оваций сидящих в зале. Платье она сохранила и пронесла даже через эвакуацию. Иногда она доставала его из сундука, где хранились её наряды, и демонстрировала нам, двум девочкам, как она шла под туш оркестра.

Вряд ли ей было жалко драгоценностей. Ей было всё равно, что стекляшки, что бриллианты. Конечно, она понимала разницу в их стоимости. Но и бриллианты, и стекляшки в её понятии, никак не объясняющем её равнодушия к драгоценностям, были всего лишь блестящими побрякушками.

Как-то в статье психолога, доктора наук в своей области, я прочла, что украшения компенсируют женщине собственную неполноценность. Чувство неполноценности моей бабушке было чуждо.

После того злополучного съезда комсомола, когда дедушка добровольно отдал фабрику государству, его оставили работать там же в должности директора. Так же и дом, с ней соседствующий, остался в его распоряжении. Дом был частной собственностью, и дома не забирали. Его построил ещё прадедушка. Дом был огромный. Мы с сестрой по коридорам на велосипедах катались.

* * *

От калитки до парадного входа стелилась тридцатиметровая вымощенная кирпичом дорожка. С обеих сторон густо цвели ирисы. Их аромат сопровождал идущего в дом, вызывая в нём головокружение, словно воздух, sprysнутый духами.

Под окнами дома с южной и восточной стороны росли кусты сирени.

Георгины, лилии, пионы, герберы, тюльпаны, хаотически смешанные, густо посаженные, в стиле поля садовых цветов, чего добивалась моя мама, не терпевшая геометрическую точность и порядок французских садов, которые видела на картинках у профессора Мигдаля. Кустарники, подстриженные во все стороны на девяносто градусов, настолько противоречили законам природы, что доставляли ей физическое неудобство. Вместе с облезшими газонами они не соответствовали маминим понятиям эстетики. Свой цветник она отказывалась так называть. У неё цвело «поле» садовых цветов. Ароматы этого «поля» проникали в дом и открытые окна швейной фабрики, отвлекая швей от их однообразной работы, после которой они приходили к маме выпрашивать саженцы. Разбросанные как попало семена nastурции прорастали безо всякого порядка, сплетая каллы, лилии, левкои и петунии в некую фантасмагорию, загадочную, как плодоносная земля, как мир, как жизнь.

* * *

В Израиле половину балкона, шедшего с двух сторон по стенам дома, мама заняла под свою оранжерею. Мебель её меньше интересовала. Поэтому два фикуса и лимонное дерево забралось в гостиную. Вторую часть балкона занял папа под клетки для волнистых попугайчиков.

Папа говорил, что мама пытается устроить ему рай. Но в Израиле это невозможно. Израиль по определению ад.

По утрам в субботу он раздвигал большое окно в гостиной и говорил:

– Здравствуй, Африка!

– Азия, – возражала мама.

Они ссорились по поводу географического положения Израиля, хотя оба прекрасно знали, где находится Израиль. Щebetали птицы и благоухали цветы.

Ни на мгновение папе не приходило в голову, что последние годы своей жизни он проведёт в сердце Африки, в Мозамбике.

У слов есть сила и способность то ли предугадывать, то ли влиять на развитие событий в жизни.

* * *

Ничего не изменилось с того момента, как дедушка Миша пожертвовал всё, что у него было, молодым коммунистам. Работал он половина на половину. Половину на государство, половину на себя. В России, несмотря на страх перед ОБХС (это не КГБ), существовала теневая экономика. Все бывшие нэпманы, которых не сослали, продолжали «крутиться».

Дедушка снова был богат. И хоть шубу бабушке справили из каракуля (не колоть глаза), она умудрялась нанимать женщин, которые стирали и убирали у неё за ведра с яблоками и сливами, которые росли в саду.

Мне неизвестно, что ещё включал в себя бабушкин бартер, но она снова со свойственной ей заносчивостью шла по жизни, высоко задрав голову.

Снова они с Соней бегали по модисткам и шляпницам и на собачьи выставки. Ничего не менялось.

В начале тридцатых на Украине начался голод. Что бы и кто не говорил, сколько бы не спорили историки с разных сторон политического спектра, голод являлся результатом политики большевиков, которая называлась «раскулачивание». Они уничтожили фермеров, их скот, семена и отобрали земли. Они достигли равенства нищих и голодных, очевидно, того, к чему стремились. Похоже, что подобное равенство они считали коммунизмом.

Именно в этот период случилось невероятное, невозможное, неслыханное – бабушка забеременела. В 1933 году, в мае, Клара родила сына. Мальчика назвали Ильёй.

Рожала она тяжело, мучилась четыре дня. Дедушка и ещё девять мужчин, которые сменяли один другого, молились (в родильное отделение посетителей не пускали) о здоровье роженицы и младенца. Дедушка не ел, не пил, не спал, не отрываясь от молитвенника. Он почернел, впал в некое странное состояние прострации, когда ты с трудом понимаешь, что происходит вокруг тебя, как будто время остановилось. Ему казалось, что он слышит душераздирающие вопли своей жены и в то же время успокаивающий голос матери с того света.

– Не волнуйся, – говорила, улыбаясь, мать. – Плод очень крупный, но она разродится.

Дедушка верил своей матери, она была повивальной бабкой.

– Помоги, помоги, – умолял он её.

Наконец прибежала санитарка из больницы и сообщили, что родился мальчик, мать и младенец чувствуют себя хорошо.

Дедушка потерял сознание. Его привели в чувство. Он выскочил и побежал, как заправский марафонец, в роддом. К счастью, пришлось бежать километра два, не больше.

Ребёнок родился крупный – 4,2 килограмма. Внешне он был копией своей матери – смуглый, с копной чёрных кудрей, торчавших во все стороны.

Когда ему было полгода, мать не могла удержать его на руках.

С того момента как он начал ходить, бабушка и десятилетняя Полина целыми днями бегали за мальчиком, стаскивая его с деревьев, доставая из рвов, выгребая мальчишку из погребов, неизвестно откуда взявшихся ям.

В пять лет он бежал так быстро, что бабушка не могла за ним угнаться. Он мог уйти из дому, и вся улица отправлялась на поиски.

Бабушка говорила, что у неё родился не ребёнок, а дибук. «Дибук» в переводе на русский означает злого духа, который проникает в тело своей жертвы, овладевает её душой, и заставляет делать странные и страшные вещи. Это тот дух, которого пытаются изгнать с помощью экзорцизма. Но когда о ребёнке говорили «дибук», имели в виду, что это сорвиголова; озорной, непослушный, неподвластный и сверхэнергичный отпрыск.

Больше детей ни она, ни дедушка не хотели. Дедушка говорил, что ещё таких четырёх дней он не переживёт.

Бабушка говорила, что такого ребёнка она физически не выдержит и вытянется где-то по дороге в погоне за мальчиком. Кроме того, у них была старшая дочь – Полина. Двоих детей достаточно.

* * *

Когда папе исполнилось шесть лет, ему купили пианино, взяли частную учительницу. Один урок состоялся. Перед вторым он исчез. Его долго не могли найти. Он три дня торчал где-то в хлеву у соседей-украинцев, игрался с их детьми, которые воровали для него кусочки хлеба с маргарином, посыпанные сахаром. Наконец его обнаружили хозяева хлева. Больше его музыке не учили.

С ним невозможно было пройтись по улице. Он моментально вскарабкивался на самые высокие деревья. И пока бабушка с Полиной шли по тротуару, он, как обезьяна, перепрыгивал с ветки на ветку.

Илья боготворил своего отца и старался изо всех сил не огорчать его. Тот никогда не наказывал его, никогда не тронул пальцем, а только защищал. Когда соседи приходили жаловаться, что мой папа набросал яиц в их дымоход, дедушка отвечал просто: «Это не он». Разбил стекло в окне? Не он. Выпустил кроликов с клетки на волю? Не он. На всё был один ответ: «Не он. Не он. Не он».

Папа панически боялся уколов. Ему не удалось сделать ни одну прививку. Его невозможно было удержать силой. Уже в школе директор дал приказ его соученикам держать мальчика, чтобы медсестра смогла ввести ему вакцину. При виде иглы, приближающейся к телу, паренёк вырвался и выпрыгнул с третьего этажа через закрытое окно.

В доме и во дворе жили кошки, собаки, ёжики, кролики. Каждый раз бабушка обнаруживала новое животное. Пирожки, масло, сметану, колбасу он скармливал бездомным животным; хлебные крошки – птицам. Чуть повзрослев, он начал разводить голубей на крыше швейной фабрики. Это было трёхэтажное здание. Бабушка боялась, что он свалится, полетит следом за своими питомцами. Она тщетно бегала за ним.

Дедушка не только никогда не наказывал его, но и никогда не корил, не упрекал, не читал нравоучительные морали. Дедушка его просто любил до безумия – сын устраивал его таким, каким он был. Папины выходки, как прежде жены, приводили дедушку в умиление. Когда папа начал заниматься гимнастикой, во дворе был сооружён турник, в коридоре – шведская лестница.

Дедушка так же относился к приёмной дочери – Полине. Она получала всё, что её душе было угодно, хотя её душе мало что было угодно. Девочка любила читать. Её библиотека и куклы занимали отдельную комнату. Биологический отец давно переехал со второй женой в Киев. Со временем у них родилось трое сыновей.

Полина редко виделась с ним и со сводными братьями. Она обожала Илюшу, а он её. Она нянчила мальчика с самого рождения. Ей быстрее удавалось накормить, переодеть малыша, чем родной матери.

Племянницу Соню, которая явно пересидела в девках, так что совестно было называть её девушкой, сосватать не удавалась. Соню никто её не устраивал, никто ей не нравился. Она была младше бабушки на четыре года. Потенциальные женихи вызывали в ней ироническую усмешку, за которой следовал категорический отказ. Наконец на каком-то семейном торжестве она познакомилась с дядей Яшей. Ему тоже искали пару, но он всех отвергал, пока не увидел тётю Соню. В неё он влюбился. Тётя Соня ответила тем же и дала своё согласие на брак, несмотря на то что Яша был простым работягой, кандидатуры которых она не рассматривала, и уж точно не мог покорить её ни статусом, ни внешностью. Меньше чем на врача или на худой

конец учителя она никогда не соглашалась. Но... любовь слепа или же, наоборот, очень про- ницательна. В «простом рабочем» тётя Соня увидела что-то гораздо большее.

Со временем, когда политические страсти улеглись, он устроился на завод «Арсенал» в Киеве то ли токарем, то ли фрезеровщиком.

Но тут из дяди Яши полез тот, которых в те годы называли новаторами. Он зарекомен- довал себя как блестящий изобретатель – самоучка, самородок, инженерный гений.

«Арсенал» – завод, производивший оружие. Всё, к чему прикасался Яков Наумович, стреляло лучше, дальше, эффективней. Конечно, его изобретения классифицировались как государственная тайна, и семья мало что о них знала. Наверняка они были нужны и важны, раз дядю возили на чёрной «чайке», платили высокую зарплату. Ему выдавали специальный паёк, как членам правительства и партии. В мою бытность он получал сертификаты для того, чтобы отовариваться в валютном магазине.

Я училась в девятом-десятом классе, когда тётя Соня брала меня в «Берёзку» прикупить мне платье или сапоги.

Еще при Сталине его вызвали в Москву. Родственники пришли прощаться, хотя на обыч- ный арест дело не походило. Он вернулся целёхонький и невредимый с орденом Героя труда и решил написать благодарственное письмо Сталину. Муж тётя Сони не отличался знаниями орфографии, морфологии и синтаксиса. Письмо от имени дяди Яши писал мой дедушка. Оче- редной парадокс бытия. Человек, который ненавидел советскую власть и её главаря всеми фиб- рами души, писал ему волею судьбы благодарственное послание.

Дядя Яша скорее напоминал профессора, а не фрезеровщика. Он был невысокого роста, полный человечек с розовыми щеками и пухлыми розовыми губами. Глядя на него, складыва- лось впечатление, что он только что поел горячего бульона. Хотелось взять белый платочек и утереть ему губы и щёки. У них с тётей Соней родились сын и дочь, похожие на своего отца внешне и внутренне. Они уже в школе блистали незаурядными способностями. И сын, и дочь пошли в науку.

* * *

Когда мы подросли, то стали называть его Яков Лазарович. Тётя Соня пора- жала редким и удивительным качеством – пренебрежением ко всем тяготам жизни или, как сегодня говорят, неисчерпаемой позитивной энергией.

В мою бытность у тётя Сони жила немецкая овчарка с неоригинальным име- нем Туз и маленькая болонка, которую тётя выменяла у какого-то алкаша за четвер- тушку, с ещё менее оригинальной кличкой Люся. Болонка питалась у своего преж- него хозяина селёдкой и воблой. Ничего другого она есть не желала.

Если бы в те годы был YouTube, я бы разместила видео, как моя пышная, дород- ная тётя раздирает воблу, чистит селёдку, аккуратно извлекая косточки, запикивает в рот белой с двумя розовыми бантиками на голове болонке привычную ей снесь. У меня бы был миллион просмотров.

Что же до моей тётя, она жила в достатке и душевном спокойствии, нехарак- терном для тех времен.

Как-то мой дедушка объяснил ей этимологию слова «собака», на иврите – «келев», которое означило «как сердце, сердцеподобный». Тётя Соня настолько рас- чувствовалась, что два дня рыдала – не от горя, а от избытка эмоций.

* * *

Полине начали искать сватовство с четырнадцати лет. Моя бабушка боялась, что не очень красивую девушку тяжело будет выдать замуж. Опыт с тётёй Соней, досидевшей в старых девах почти до тридцати, не обнадеживал, хотя именно тётя Соня вышла замуж на редкость удачно.

Полина прекрасно пела, танцевала и мечтала поступить в театральный. Но бабушка даже слушать об этом не хотела. В её представлениях артистки были женщинами лёгкого поведения. Тем более нужно было скорее найти претендента на руку девушки. Сваты шли одни за другими, словно девушка была мёдом смазана, но бабушку никто не устраивал. Наконец появился Григорий. Он был постарше, заведовал скотобазой и по тем временам считался человеком состоятельным, перспективным – Полина и её дети голодать не будут. Но окончательно склонило мою бабушку то, что Григорий был красавцем, как артист кино, – высокий, стройный. Пышная шевелюра обрамляла мужественное лицо с чуть выступающей челюстью и ямочкой на подбородке. В конце концов, моя бабушка была прежде всего женщиной не совсем практичной и никогда не повелась бы на деньги.

Полина не возражала. На самом деле жених ей тоже понравился. Хотя, когда их оставляли вдвоём, она робела, и разговор не клеился. Он приглашал её в кино, в театр. Малейшая попытка взять её под руку вызывала сопротивление. Она краснела, заикалась и произносила нечто несвязное – потом, потом. Григорию было двадцать пять, и он тоже не был так уж опытен в ухаживании за молодыми девушками.

Когда Полина окончила школу, сыграли свадьбу. На свадьбе все родственники вдруг обратили внимание, что Полина, как они выражались, расцвела.

Первая брачная ночь стала для девушки настоящим кошмаром. Я, наверное, раз сто выслушала об этом трагическом происшествии. Григорий торопился, тётя сопротивлялась. Он только хотел засунуть ей в рот свой язык. Тётя, стиснув зубы, молила про себя – скорее, скорее. Но только его орган касался её, она автоматически отстранялась назад. Он прижал её изо всех сил, так что у неё на руках остались синяки от его пальцев, и сумел насильно лишить её девственности. С этой ночи мужа своего она стала бояться и ненавидеть. Он хотел секса. Для Полины любое его прикосновение превращалось в страдание. Это происходило в сороковом.

– Но он же вам нравился? Вы же сами говорите, что он был красавцем, – возражаю я.

– А вызвать во мне какие-то чувства он не сумел. Нужно с мужчиной спать до того, что ты замуж выходишь. Постель – это индикатор. Там всё ясно становится, – тётя делилась со мной своим жизненным опытом.

Когда началась вторая Мировая война, Григория в первые же дни забрали на фронт.

Дедушка собирался в эвакуацию. Следовало поторапливаться, немецкие войска приближались очень быстро по направлению к Киеву.

Он закопал все свои сбережения под деревом в саду, засунув деньги в кожаный портфель, в присутствии своего сына на случай, если с ним что-то случится, чтобы сын знал, где хранится состояние.

Все остальные ценности: золотые монеты, бабушкины украшения, которые успели приобрести к этому времени, – забрали с собой в эвакуацию. Кроме того, они везли несколько чемоданов одежды, подушек, постельного белья, столового серебра и один небольшой сундук, в котором хранились бабушкины наряды – подвенечное платье, горжетки и муфточки; чернубурка, которая накидывалась на костюм или пальто; шали из тончайшего шёлка; несколько шуб; платье, в котором бабушка жертвовала бриллианты молодым коммунистам. Эти сокровища продавались на рынке. На вырученные деньги покупалась мука, крупы, птица.

* * *

Когда Левинштейны вернулись после эвакуации в Сквире, то обнаружили, вернее, не обнаружили евреев – жителей города. Большинство лежали в общих могилах. Погибших солдат, как мой дядя Марк, брат моей мамы, или сыновья Доры Осиповны, подруги моей бабушки, хоронили на местах их гибели, в братских могилах, не соблюдая никаких ритуалов – ни иудаизма, ни ислама, ни христианства. Братские могилы ронили в буквальном смысле все народы, расы, нации, веры, как ничто другое. Погибших хоронили одинаково. Ещё один аргумент, что перед лицом смерти все равны.

* * *

Деньги, закопанные дедушкой под яблоней-антоновкой, частично сгнили. Те банкноты, которые уцелели, а их было немало, из-за обмена денег после войны десять к одному превратились в прах. Дедушка, как и многие другие, боялся менять крупные суммы, так – по мелочам.

Из дома вынесли всю мебель, остался стульчик от пианино, доживший до моих дней. Но и тут моя бабушка не дрогнула. Она обошла всех соседей-украинцев, оставшихся в городе при немцах, с большими скандалом и угрозами сдать их властям за сотрудничество с гитлеровцами. Её тут же убеждали, что ничего подобного не было, они, наоборот, прятали у себя евреев и заодно их вещи. Все бабушкины сокровища: комоды, буфеты, письменный стол и шкаф, старинные ковры и даже античный письменный прибор, доставшийся позже мне, – вернулись в дом тем же путем, что были унесены. Со временем докупили новый кожаный диван, кресла и большой стол со стульями в гостиную.

Изменилось единственное – её отношение к сундуку с нарядами, который, как верный друг, прошёл с ней всю войну, гораздо обмельчав. Наряды больше её не интересовали.

Иногда она открывала свой сундук проветрить, мы тут же облачались в платья со споротыми меховыми отделками, несмотря на бабушкины возражения. Игра в принцесс начиналась.

Дедушка снова вернулся на прежнюю работу, на ту же должность. Но в сорок восьмом был судим за экономическую контрреволюцию. Ему очередной раз удалось откупиться, хотя его подельников по «контрреволюции» приговорили к лагерям, замминистра лёгкой промышленности Украины – к расстрелу.

Если бы разрешили дедушке проявлять инициативу, фабрика производила бы гораздо больше вещей, богатели бы страна и мой дедушка, и с ними вместе целая сеть складов, поставщиков и магазинов. Но это противоречило созиданию светлого будущего – коммунизма, который неизвестно как должен был возникнуть из ничего, как Вселенная, согласно убеждениям многих современных физиков.

Больше на фабрику дедушка не вернулся, хотя дом не тронули и он остался на территории предприятия. Между домом и фабрикой поставили высокий забор. Папа подсоединил обратно к дому воду, электричество, газ от фабрики. Это никогда никто не проверял. А мы никогда ни за что не платили. Также мы отправляли на фабрику приплод наших собак и кошек. Когда суки рожали, швеи разбирали щенков.

Бабушка на старости лет стала равнодушна к собакам. У нас жили чихуахуа и английский бульдог, которого папа достал за большие деньги. Но они принадлежали моей матери. Сначала она не хотела их, но потом привязывалась к ним, а они к ней и переходили в её личную собственность. Чихуахуа по имени Зефир, бело-розовое существо, непохожее ни на один вид известных нам животных, никому не давал приблизиться к маме, обнять её. Он заходился сумасшедшим, истеричным лаем.

Однажды мама заболела, и мы вызвали участкового врача. Когда врач наклонился со стетоскопом над кроватью, из-под одеяла выпрыгнуло маленькое злобное существо и вцепилось доктору в нос. Мы не знали, кого спасти раньше: маму, доктора, или меня от смеха. Я не держалась на ногах.

* * *

Один единственный раз на моей памяти моя шестидесятилетняя с хвостиком бабушка закатила сцену ревности дедушке. Дедушка, как ей показалось, был чрезмерно разговорчив и мил с Ниной, швейей, которая зашла к нам пригласить дедушку с бабушкой на крестины первого внука.

Наружу выползла бабушка, совершенно мне незнакомая, и закатила деду сцену ревности с битьём посуды, как в латинских сериалах. Потом она побежала к ручью глубиной сантиметров тридцать – топиться. Следом за ней бежали дедушка, папа, охранники с фабрики, соседи и все, кто видел и слышал эту сцену, – бабушку спасать. Мы с сестрой тоже бежали посмотреть, как бабушка будет топиться. Мама, поджав губы, произнесла: да хоть бы дали ей задницу намочить. Ходили слухи, что это был не единственный скандал на почве ревности.

Но ей не дали намочить задницу и даже ступни ног. Дедушка догнал её, извинялся, клялся в вечной любви. Она простила его и развернулась обратно. Дед поплёлся за ней, поджав хвост, как шут за своей королевой. Спектакль закончился. Всё встало на свои места. Выяснилось, что бабушка умела поскандалить и не только на почве ревности.

Но на свадьбах по-прежнему первый танец принадлежал моим бабушке и дедушке – самой элегантной паре. Они кружились под звуки вальса, глядя друг другу в глаза с улыбкой, которой улыбаются юные влюблённые. И даже я понимала, что ничего для них в мире не существует – ни революций, ни контрреволюций, ни погромов, ни войн, ни коммунизма, ни времени, ни детей и внуков. Существовали они, связанные какими-то узлами друг с другом. Название этих уз я не знала тогда и не знаю сегодня. Любовь? Банально.

Бабушка Лиза научила бабушку Клару делать настойки, наливки. После того как умер дедушка Миша, она частенько наполняла стакан вишнёвой наливкой, и зимой, если на улице была пурга, непогода, сбивавшая её с ног, садилась на веранде, летом, осенью – в саду. Вино она закусывала сухим печеньем, размачивая его в наливке.

Бутыли исчезали с подоконников, как кегли в боулинге, в которые попадал мяч. Иногда она что-то мурлыкала себе под нос. Говорила что-то невнятное, даже если её ни о чём не спрашивали.

Бабушка спилась. Нет, она не стала алкоголичкой. От стакана, или двух, или даже трёх вишнёвки алкоголиком не становятся, и тем не менее...

Осенний день. Начало ноября. Моросит мелкий дождь, покрывая серебристым бисером бабушкино лицо, руки. Не успевшие слететь листья, начавшие чернеть по краям, образуют странные контуры – китайские иероглифы или послания из других миров. Бабушка Клара сидит в саду на мокрой скамейке. стакан с вишнёвкой бросает бордовые блики на дерево стола. Бабушка сидит неподвижно. На голову и на плечи осень набрасывает шаль из мокрых листьев.

Умерла она внезапно. Потеряла сознание и больше в себя не приходила.

Нетта Юдкевич. Масло на холсте. 2004–2006 годы. «Когда Мир был Черно-Белым»

Глава 2

Родители мамы

Мои дедушка и бабушка со стороны мамы родились в начале двадцатого века в том же местечке, что и Левинштейны. Все братья и сёстры прадедушки – Наума Ланского – вместе с родителями и детьми эмигрировали в Америку перед Первой мировой войной. На Украине остался только мой прадедушка с супругой и тремя детьми. Решения уезжать или не уезжать, покидать Украину или нет, иногда принимались в силу непонятных и неубедительных причин. Кто-то не хотел покидать могилы праотцов, другие не могли договориться со сватами; многие просто боялись взойти на корабль, чтобы пересечь Атлантический океан, так как наслушались всяких басен о потонувших кораблях и о неизвестной стране Америке, где буйствуют страшные индейцы.

Евреи из местечек и деревень не отличались особой образованностью; умели читать на идише, и на том спасибо. Что такое океан и где находится Атлантический, они не имели никакого понятия. Большинство не знало, что Земля круглая. Но по слухам точно знали, что корабль может утонуть. Мысли о штормах и о бурях останавливали их, как это ни смешно, от эмиграции в Америку, которая одних привлекала баснями, придуманными ещё испанскими конкистадорами, о стране Эльдorado, других пугала страшными сказками об индейцах и бандитах, такими же правдивыми, как и первые.

* * *

Гораздо позже, в Израиле, куда приехал известный американский мафиози Меер Ланский просить убежища, скрываясь от американского правосудия, я дразнила маму, что это наверняка её дядя. Фамилия Ланский не такая уж распространенная среди евреев, и, наверное, следует с ним связаться, поддержать дядюшку. Мама злилась, обижалась и утверждала, что в их семье не могло быть преступников.

* * *

Неважно, каковы были истинные причины, но мои прадедушка и прабабушка Ланские остались в Сквире. Семья Ланских для тех времён считалась маленькой – две дочери и сын. Старшую дочь выдали замуж за васильковского парня, и в течение трёх лет с хвостиком она родила четверых детей.

Средней, шестнадцатилетней Лизе, искали сватовство, но не очень рьяно. Она выдалась маленькой, худенькой, выглядела скорее лет на двенадцать, чем на шестнадцать. Родители считали, что девушка ещё успеет выйти замуж, пусть ещё подрастёт, окрепнет. Куда торопиться с заботами о детях, о муже, домашнем хозяйстве? Успеет.

У Ланских подрастал ещё один сын, Меер, но он совсем ещё был ребёнком.

Однажды прабабушка Симха взяла с собой на базар мою бабушку Лизу. Смуглая, тоненькая, с большими горящими глазами, она казалась вертлявым подростком, не созревшим не только для брака, но и многих других вещей, которые поручали молодым девушкам – прибрать в квартире или испечь булочки с корицей. Хотя на самом деле Лиза умела убирать и готовила утку в яблоках вкуснее матери.

Они подошли к лотку, где дедушка и его брат торговали шапками. Пока прабабушка рассматривала товар, Лиза нацепила шапку-ушанку и помотала головой так, что каждый раз другое ушко шапки шлёпало её по раскрасневшимся от мороза щекам.

– Перестань, – прошептала мать. – Ты уже не маленькая.

Девушка вернула шапку на прилавок, подняла глаза и встретилась взглядом с одним из братьев – Давидом Коганом.

Лиза смутилась и покраснела. Давид улыбнулся.

– Замуж выдаёте? – продолжая улыбаться, спросил тот у прабабушки.

– За тебя? С радостью, – отшутилась она.

– А как же зовут мою невесту? – продолжал молодой человек, не сводя глаз с девушки.

– Лиза Ланская, – ответила прабабушка.

Он выяснил, где они живут, и на следующий день прислал сватов.

Эту историю я совсем маленькой слышала от дедушки, от бабушки, от мамы и ото всех родственников, которые слышали её до меня. Бабушка показалась дедушке необыкновенной красавицей, что сразило его наповал. Она ослепила, околдовала, загипнотизировала его, и он навсегда потерял голову.

– Или нашёл, – поправляла его бабушка. – Не стыдно тебе детям глупости рассказывать?

Может быть, моя бабушка Лиза в молодости была красавицей. Но дело не в этом. Если бы мужчины и женщины влюблялись один в другого только из-за выдающейся внешности, то мало кто действительно женился бы и выходил замуж. Красота любимого человека – это иллюзия, которая постигает влюблённых.

В случае с четой Коганов судить не мне. Старые фотографии не дают какого-то чёткого представления. Но и другие родственники подтверждали, что бабушка Лиза в юности была красавицей, и это от неё моя мама унаследовала маленький носик, громадные глаза и пухлые губы. Когда меня в детстве просили показать мамины губы, я оттопыривала нижнюю, выставляя её вперёд, пытаясь свесить над подбородком. Родственники посмеивались над маминым чувственным ртом.

Отец моей бабушки Лизы – Наум Ланский – был простым молочником. Он развозил на телеге большие бидоны с молоком, поменьше со сметаной и ряженкой. Масло и творог продавались кусками по фунту, завёрнутые в марлю, отчего на них оставался мелкий решётчатый след.

В городе в начале века появились магазины, бакалейные, мясные, овощные лавки. За церковью располагался большой рынок. Тем не менее молочные продукты всё ещё развозили молочники. Жители считали, что у молочников продукты свежее, чем в лавках. Они выходили на зов молочника с крынками и горшками, которые тот наполнял молоком, сметаной, сливками и тут же ехал дальше, к хозяевам, державшим коров, наполнять снова посуду только что выдоенным молоком.

У Герша Когана было четыре сына. Все «красавцы удалые», высокие, статные, блондины с голубыми глазами. Они напоминали то ли викингов, то ли (прости меня господи) представителей арийской расы, не существующей в действительности, а созданной больной фантазией идеологов нацизма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.